

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГОДОВ)*

Ю.Л. Косенкова

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя РОССИИ» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва, Россия

Аннотация

В статье дается анализ состояния архитектурно-градостроительной мысли в первой половине 1950-х годов, непосредственно перед официальной «перестройкой творческой направленности советской архитектуры» в середине-конце десятилетия. Раскрывается характер оценок застройки городов, которые давались в ходе подведения итогов послевоенного восстановления страны. Автор указывает на двойственность таких оценок, как со стороны самих архитекторов, так и со стороны власти. В статье показана эволюция во времени дискурса о советском городе, постепенное наполнение старых риторических форм новым содержанием, связанным с переходом архитектуры на индустриальную основу.

Ключевые слова: история советской архитектуры, советское градостроительство, архитектурный ансамбль, теория города, архитектурная критика, самооценка архитекторов

PROFESSIONAL SELF-APPRAISAL OF SOVIET ARCHITECTS IN THE PERIOD OF TRANSITION (THE FIRST HALF OF THE 1950S)

Y. Kosenkova

Branch of "TSNIIP Ministry of Construction of Russia" Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the condition of the architectural and urban planning ideas in the first half of the 1950s, just before the official "reorientation of creative direction of Soviet architecture" in the middle and the end of the decade. The study reveals the nature of the appraisals of cities development that were given in the course of summing up the post-war reconstruction of the country. The author points out the duality of such assessments coming from the architects themselves, as well as from the government. The article shows the evolution of the discourse of the Soviet city and the gradual filling of the old rhetorical forms with new content, which was motivated by transition of architecture to an industrial basis.

Keywords: history of Soviet architecture, Soviet urban planning, architectural ensemble, theory of the city, architectural criticism, architects self-appraisal

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ «Хроника архитектурно-градостроительного процесса в СССР послевоенного периода (1945-1955)». Проект № 13-04-12003.

К началу 1950-х годов стали видны итоги гигантской проектной работы, проделанной после войны. Только в РСФСР была закончена разработка генпланов для 180 городов, заканчивалась работа над генпланами еще 50 городов. Для 55 городов были созданы проекты центров, спроектированы 88 главных магистралей [1].

Характерное для советского градостроительства столкновение двух государственных систем застройки городов (через управленческие архитектурно-градостроительные органы и через систему промышленных ведомств) к началу 1950-х годов приняло особенно обостренный характер, нередко приводивший к кризисным ситуациям в развитии городов. Для архитекторов это было время подведения итогов послевоенного восстановления страны и определения дальнейших путей развития архитектуры и градостроительства. Однако, после ликвидации созданного в 1943 году Комитета по делам архитектуры, быстро сменявшие друг друга в начале 1950-х годов управленческие структуры (Мингорстрой СССР, Госстрой СССР, Минстрой СССР) были сосредоточены в основном на технических проблемах строительства [2].

В условиях устраненности управленческих структур от решения архитектурно-градостроительных вопросов, споры по этому кругу проблем, в том числе о судьбе «города-ансамбля», велись в основном в рамках Союза советских архитекторов и Академии архитектуры – организаций, не имевших реальных рычагов влияния на ход застройки городов. Но важно, что в ходе этих дискуссий начала 1950-х годов, впервые за послевоенный период, архитекторами были сделаны попытки дать общую оценку своей профессиональной работе.

Отчасти эти попытки были связаны с произошедшим к этому времени некоторым укреплением архитектурных кадров в городских проектных организациях. Активизация архитектурных сил на периферии сразу заметно осложнила взаимоотношения «мест» и «центра». С переходом к практической застройке на местах стали складываться свои понятия о том, как надо застраивать город. Эти представления, находясь в общем русле распространенных градостроительных приемов, тем не менее, могли расходиться с предложениями по застройке, исходившими из «центра» [3].

В начале 1950-х годов в печати стали все чаще появляться статьи архитекторов Магнитогорска, Сталинска, Свердловска, Курска, Воронежа и других городов, в которых настойчиво звучит одна и та же мысль: на местах должны быть созданы крепкие проектные организации, сосредотачивающие в своих руках все проектирование для городов – только при этих условиях могут быть выработаны правильные установки в градостроительстве [4]. Но, по сложившейся практике, не только не могло быть и речи о руководстве проектированием города со стороны местных органов архитектуры, но там, как правило, даже не получали экземпляры утвержденных проектов, по которым предполагалось вести строительство, а лишь извещения о том, что проект такого-то сооружения утвержден.

Помощь Академии местным архитекторам носила эпизодический характер, в основном в виде создания специальных комиссий для обсуждения тех или иных особо нетерпимых ситуаций в застройке того или иного города. Было создано 10 таких комиссий, каждая из которых занималась отдельным городом, но работали они от случая к случаю, да и невозможно было создать по комиссии на каждый город страны. Академия, разумеется, не могла изменить общей градостроительной ситуации, но положение осмысливалось как сугубо субъективное, как недостатки в работе самого этого научного органа.¹

Появление в практике достаточно наглядных результатов послевоенного восстановления и реконструкции городов и всеобщее чувство неудовлетворенности этими результатами обусловили потребность как-то оценить сделанное, если не на уровне обстоятельного теоретико-критического анализа, то, по крайней мере, выразить свое эмоциональное

¹ Российский Государственный архив экономики (РГАЭ), ф.293, оп.1, д.500, лл. 183-184.

отношение к происходящему. Попытка рефлексии профессионального сознания, относящаяся к этому периоду, выглядит достаточно своеобразно. Здесь нет возможности вычленить какие-либо концептуально определившиеся позиции, а тем более индивидуальные точки зрения. Но, как ни странно, нет и единой позиции, более или менее трезво оценивающей ситуацию. Скорее, это был комплекс смутных эмоциональных ощущений профессионального сознания, пытавшегося понять, что происходит.

В тяжелой нравственной атмосфере конца 1940-х – начала 1950-х годов не было недостатка в коллективных акциях самобичевания архитекторов, взаимных обвинениях в идеологических ошибках. Но нетрудно заметить, что все оценочные суждения этого времени, тем более относящиеся к градостроительству, имеют статичный характер, ограничиваясь констатацией фактов. Вопрос о причинах тех или иных неудач возникал крайне редко и, как правило, сводился к одному: причины кроются в субъективно неправильном понимании «генеральной линии», в неумении использовать огромные творческие возможности, которые дает советский социалистический строй, плановая социалистическая экономика.

Опыт предыдущих лет дал архитекторам определенное ощущение творческого роста: «... если мы напомним, – говорил В.А. Шквариков, – что мы после 1935 г. до 1940 г. работали 5 лет и посмотрим, что сделали за 5 лет, что сделали после войны за 7 лет, то это был гигантский скачок в советской архитектуре... в жилищном строительстве, в типовых секциях квартир, типовых проектах... сейчас в Институте градостроительства собирается материал: проекты планировки городов до 1935-1937 годов, до съезда. Я бы сказал, что это были наивные работы, иногда даже не можешь отдать себе отчет, как это мы могли такие планировки делать, какие делали в 1934-1935 гг.» [5].

Однако преобладающим было все же ощущение дезорганизации и хаоса в архитектурно-градостроительной работе. В оценочных суждениях, даваемых в профессиональном кругу и обращенных как бы внутрь профессии, в это время идет накопление отдельных негативных фактов. В то же время в высказываниях оценочного характера, рассчитанных на массовое сознание, используются предельно обобщенные формулировки. Содержание оценочных суждений о градостроительстве, даваемых самими архитекторами, напрямую зависело от того, в какой системе координат существовали эти оценки и кому они были адресованы.

Так, например, Н.Я. Колли, выступая на собрании актива московских архитекторов, говорил о том, что «в Москве нет ни одного целостно осуществленного ансамбля» [6]. Несколько месяцев спустя в статье, написанной для журнала, он писал: «Реконструкция существующих городов и строительство новых осуществляется по единому для каждого города плану, не только учитывающему правильное взаиморасположение всех составных элементов города – жилых, общественных зданий, промышленности, транспортной сети и т.д., но и обеспечивающему ему композиционное единство» [7].

Система оценок, формировавшаяся вне рамок профессии, также имела двойную направленность. С одной стороны, это критика «сверху», как правило, статьи в «Правде», подлежавшие многодневному обсуждению в профессиональной среде и принятию «оргвыводов». С другой стороны – это «пропаганда достижений», проводившаяся журналистами и краеведами. В частности, в начале 1950-х годов один за другим стали выходить популярные очерки о восстанавливаемых и реконструируемых городах, написанные в жанре путеводителей. В неизменно мажорных тонах здесь описывались достоинства еще неосуществленных проектов, в литературных опусах искусно перепутывалось желаемое и действительное: «Всякий пассажир прежде всего обратит внимание на вокзал. Его фасад высоко поднялся над площадью, которая, помимо того, что покроеся асфальтом, будет оборудована газонами и цветниками с фонтаном» [8].

В системе оценок, формировавшейся «извне», процесс пересмотра позиций шел несколько смелее. Критической оценке подвергались даже те творческие установки, которые еще вчера, будучи воплощенными в проектах, казались высшим достижением архитектурной мысли. Сегодня, реализованные в натуре, они уже не вызывали восторга. Так, «Правда» в 1950 года критиковала принципы застройки Новгорода, разработанные А.В. Щусевым, что еще недавно было делом совершенно немыслимым: «При планировке и застройке Новгорода авторы проектов встали на неправильный, формалистический путь, предложив строить город в стиле простейших мотивов древнейшей архитектуры и искусства без учета новых требований социалистического градостроительства» [9]. Стилистическое единство новой застройки с памятниками старины теперь оценивалось едва ли не как попытка создать барачную застройку с узкими окнами, не пропускающими света. Несколько позже дезавуирование излюбленных объектов градостроительного творчества проявилось и на страницах профессиональной печати.

Негативной оценке подверглись в этот период даже те столичные комплексы, в которые было вложено немало труда в предыдущие годы, проекты и макеты которых были неизменными участниками всех выставок, посвященных Москве завтрашнего дня. Реконструкция площади Белорусского вокзала, площади Маяковского, застройка Можайского шоссе, площади Калужской заставы и даже новейшее строительство на Песчаных улицах оценивались как архитектурные неудачи.²

В начале 1950-х годов обнаружилось, что важнейшие города – объекты восстановительного строительства, по которым было принято немало правительственных постановлений, к проектированию которых привлекались лучшие архитектурные силы, – принимают совсем не тот облик, который задумывался авторами генеральных планов и проектов центральных ансамблей. В первую очередь подверглась критике застройка такого знакового города, как Сталинград, по проекту К.С. Алабяна.³ Примерно в такой же тональности оценивалась и застройка городов, включенных в свое время в правительственное постановление о восстановлении 15 русских городов [10].

В профессиональной среде в эти годы оценочные суждения чаще и откровеннее высказывались по отношению к далеким периферийным районам страны. Б.М. Иофан, подводя итоги совещания архитекторов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, нарисовал довольно печальную картину состояния градостроительства в этом регионе: распыление строительства, отсутствие ансамблевой застройки, отсутствие полноценных жилых массивов, полная неясность в типологических вопросах застройки в условиях жаркого климата, неясность представлений о «прогрессивных чертах» национального наследия...[11]. Такая же критика послевоенной практики застройки этих районов велась и местными архитекторами [12, 13].

Крайний предел в нарастании негативных критических оценок по отдельным фактам градостроительства послевоенного времени определил, в частности, общественный просмотр проектов ансамблевой застройки магистралей Москвы, состоявшийся в начале 1954 года. Как было констатировано на этом просмотре, за последние годы в Москве, несмотря на огромный объем строительства, не был создан ни один полноценный ансамбль [14].

Можно заметить, однако, что, несмотря на пик негативизма в суждениях этого времени о градостроительных результатах послевоенного периода, критические стрелы все время как бы проскальзывали мимо цели, поражая (в том случае, если эти высказывания вообще претендовали на некий уровень обобщения) второстепенные факторы архитектурной практики. Так, модным стало обрушиваться на симметрию как прием архитектурной композиции. Она воспринималась как основная помеха свободного

² Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 674, оп. 3, д. 84, лл. 10-13.

³ Там же, лл. 14-15.

функционального развития жилых кварталов, как синоним академической отвлеченности от реальности.

Но и в этом вопросе, в отличие от второй половины 1950-х годов, еще не было хорошо отретированного единодушия. Некоторые архитекторы, напротив, видели средство спасения положения в «сверхорганизованном», жестком пространстве города.⁴ Возвращение в эти годы к лексике 1930-х годов, когда главная улица города мыслилась прежде всего как «путь триумфаторов», представляется отнюдь не случайным. Оценочно-критические суждения начала 1950-х годов, как и зодчество этого времени в целом, в значительной степени были отмечены утратой живого чувства архитектурной формы и языка пространства – качеств, столь важных для архитекторов в первой половине и середине 1940-х годов.

Явное недоверие к непосредственности творчества и тонкой интуиции мастера сквозило во многих выступлениях. Основной ценностью постепенно становилось идеологически «правильное», жестко организованное пространство города, в жертву которому вполне можно принести «ближний план», культуру детали. В этом отношении весьма характерен спор, разгоревшийся в Комитете по присуждению Сталинских премий, и пересказанный В.А. Шквариковым на совещании по качеству архитектуры в апреле 1952 года. Искусствоведы, входившие в комиссию, возражали против представления на премию застройки центральной части Магнитогорска, поскольку дома были неудовлетворительны по своему художественному качеству. Шквариков же делал акцент на наличии «торжественного ансамбля», по сравнению с которым плохо прорисованные карнизы – ничто.⁵

Утрата чувства «ближнего плана» и доверия к непосредственности творчества в значительной степени определила и характер оценочно-критических суждений начала 1950-х годов. Критические высказывания, исходившие из непосредственного восприятия, сами становились объектом нападок.⁶

Но как, собственно, нужно было строить «научно-объективную» критику, исходя из умозрительных положений, не знал никто. В этом, например, признавался тот же В.А. Шквариков, возглавлявший российское Управление по делам архитектуры: «... мы на днях рассматривали здание, если бы меня спросили, какова архитектура, я бы затруднился ответить: прогрессивная или не прогрессивная, и как относиться к ней. А вот говорят, что об этом не спорят и спорить нельзя... А я утверждаю, что об этом спорить нужно, и это важнейший теоретический вопрос, являющийся отсталым и на сегодняшний день».⁷

В этом контексте понятно, почему в начале 1950-х годов наблюдалась новая волна апелляций к архитектурно-градостроительной науке. Но если в 1947-1948 годы от науки ждали мощного градоформирующего импульса, долженствующего прийти на смену интуитивистскому «искусству градостроительства» начала-середины 1940-х годов, то теперь она скорее рассматривается как инструмент рефлексии, как средство, позволяющее объективно разобраться в том, что происходит. Отсюда многочисленные призывы наладить, наконец, работу по обобщению градостроительной практики: «До сих пор нет теоретических работ, обобщающих на надлежащем профессиональном уровне практику градостроительства Москвы, Ленинграда и других городов. В этом отношении Академия архитектуры и, в частности, ее Институт градостроительства в большом долгу перед советской архитектурой. Отсутствие полноценной научной основы градостроительства ведет к тому, что в практике застройки городов решения принципиальных вопросов зачастую отражают вкусы или субъективные понятия

⁴ РГАЛИ, ф. 674, оп. 3, д. 94, лл. 57-60.

⁵ РГАЛИ, ф. 674, оп.3, д.107, лл. 7-12.

⁶ РГАЛИ, (филиал в С- Пб), ф.341, оп. 1, д.240, л.22.

⁷ РГАЛИ, ф.674, оп. 3, д.107, лл.7-12.

отдельных лиц – главных городских архитекторов, руководителей исполкомов городских советов».⁸

На научное обобщение несовершенной, по всеобщему признанию, градостроительной практики возлагалось слишком много надежд: «Обобщение нашей градостроительной практики Институту градостроительства надо взять как свою центральную задачу, как одну из основных тем. Причем, по-видимому, в этом отношении придется провести какую-то классификацию городов, чтобы найти и вывести какой-то объективный закон, – если можно применить этот термин к законам о планировке городов».⁹

Но здесь круг вновь замыкался, потому что попытки обобщить практику наткнулись на незнание ситуации в городах, незнание фактов. Их сбор и осмысление требовали разработки соответствующего методологического инструментария и большого времени, которого, как всегда, не было.¹⁰

Попытки изучать города постфактум, конечно, не могли компенсировать отсутствия серьезной стадии предпроектных исследований и их рационального осмысления – тенденции, начавшей было складываться в первой половине 1930-х годов, но быстро свернутой. Незрелость подобной научно-проектной традиции, малочисленность сил и средств способствовали тому, что институты Академии архитектуры оказались совершенно неподготовленными и к «обобщению фактов». Секретность, которой обставлялось градостроительное проектирование, также не помогала этой работе. Изучение опыта шло по пути выявления «типических» ситуаций, из которых выхолащивалось всякое конкретное содержание: «Город Н-1 расположен вдоль реки, город Н-2 расчленен тремя реками, город Н-3 – на плоскости и т.д., но ничего конкретного, ни одного конкретного города мы не разбираем».¹¹

Негативный характер оценок, даваемых множеству отдельных явлений градостроительной практики, уживался в это время с официально-оптимистической тональностью, когда речь заходила о градостроительстве в целом. Сила инерции, заданная генпланом Москвы 1935 года, оказалась велика, и город все еще мыслился как единый ансамбль. Нужно было, по мнению архитекторов этого времени, только подобрать какой-то ключик, чтобы открыть заветную дверь, за которой начинается гармоничное, «беспроблемное» существование социалистического города. Опыт строительства высотных зданий в Москве, казалось, подводил вплотную к этой рубежной черте: «Высотные здания сыграют огромную роль в деле социалистической реконструкции столицы... Это только начальное планировочное решение. Представьте себе, как будет выглядеть Москва, когда вокруг высотных зданий создадутся новые прекрасные ансамбли».¹² Высотные здания рассматривались как средство для того, чтобы переломить самую природу города, одним точным приемом вызвать к жизни совершенно новое качество его существования, его необратимую трансформацию в город прекрасного будущего. Таким же образом предлагалось поступить и с другими городами: «Наше правительство нашло такую архитектурную идею, которая изменила весь облик Москвы. И если бы каждый из городов работал над главным, что может преобразовать и активно изменить его, может выявить новаторскую роль нашей архитектуры, тогда мы значительно бы улучшили работу над созданием ансамбля».¹³

При всеобщей неблагоприятной профессиональной оценке архитекторами результатов собственной градостроительной деятельности, город, разваливающийся в функциональном отношении, все еще продолжали пытаться «собрать» художественными

⁸ РГАЛИ, ф.674, оп.3, д.107, лл.189-190.

⁹ Там же, лл.158-161.

¹⁰ РГАЭ, ф.293, оп.1, д.500, лл.328-331.

¹¹ Там же, лл.219-221.

¹² РГАЛИ, ф.674, оп.3, д.94, лл.70-73.

¹³ Там же.

средствами. Вокруг идеи нахождения таких приемов и вращалась архитектурная мысль начала 1950-х годов.

Вместе с тем, начало 1950-х годов было временем, когда, при формальном сохранении привычной профессиональной риторики о городе как едином ансамбле, происходило вызревание новой концепции города, старые понятия наполнялись новым содержанием, менялось восприятие ранее сделанного в градостроительстве. Фактически активно готовилась психологическая почва для того, чтобы привести представления о городе и цель градостроительного процесса в соответствие с потребностями типового проектирования и технологий индустриального строительства.

Литература

1. Шквариов, В. Неустанно повышать качество застройки городов / В. Шквариов // Архитектура СССР. – 1952. – № 3. – С. 4-12.
2. Коржихина, Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917-1972 / Т.П. Коржихина. – М., 1974.
3. Зинченко, И. Новое в строительстве Днепропетровска / И. Зинченко // Архитектура СССР. – 1953. – № II. – С. 35-38.
4. Дудин, М. Насущные вопросы строительства Магнитогорска / М. Дудин, Б. Владимиров // Архитектура и строительство. – 1950. – № 3. – С. 8-9.
5. Шквариов, В. Борьба за качество строительства и задачи органов по делам архитектуры / В. Шквариов // Архитектура и строительство. – 1948. – № 10. – С. 1-4.
6. На собрании актива московских архитекторов // Архитектура и строительство. – 1948. – № 4. – С. 13-16.
7. Колли, Н. Сталинские идеи градостроительства / Н. Колли // Архитектура и строительство. – 1940. – № 1. – С. 8-10.
8. Соколов, В. Брянск. Историко-экономический очерк / В. Соколов, Б. Шавырин. – Брянск, 1952. – С. 87.
9. Константинов, В. Под стиль памятников старины / В. Константинов // Правда. – 1950. – 5 января. – С. 3.
10. Кузнецов, А. Творческие итоги восстановления городов РСФСР / А. Кузнецов // Архитектура СССР. – 1953. – № 6. – С. 1-13.
11. Иофан, Б. Повышать идейный уровень и мастерство советских зодчих / Б. Иофан // Правда Востока. – 1951. – 28 ноября. – С. 2.
12. Георгиевский, М. Строительство в Ташкенте / М. Георгиевский // Архитектура СССР. – 1954. – № 6. – С. 43-45.
13. Басенов, Т. К. Вопросы планировки и застройки центра Алма-Аты / Т.К. Басенов // Проблемы советского градостроительства. – Вып. 5. – 1955. – С. 83-85.
14. Творческие вопросы проектирования магистралей Москвы // Архитектура и строительство Москвы. – 1954. – № 4. – С. 21-22.

References

1. Shkvarikov V. *Neustanno povyshat' kachestvo zastrojki gorodov* [Tirelessly improve the quality of urban development. Magazine "Architecture of the USSR"]. 1952, no. 3, pp. 4-12.
2. Korzhihina T.P. *Istorija i sovremennaja organizacija gosudarstvennyh uchrezhdenij SSSR* [History and modern organization of the state institutions of the USSR. 1917-1972]. Moscow, 1974.
3. Zinchenko I. *Novoe v stroitel'stve Dnepropetrovska* [New construction in Dnepropetrovsk. Magazine "Architecture of the USSR"]. 1953, no. II, pp. 35-38.
4. Dudin M., Vladimirov B. *Nasushhnye voprosy stroitel'stva Magnitogorska* [Current Issues in the construction of Magnitogorsk. Magazine "Architecture and Construction"]. 1950, no. 3, pp. 8-9.
5. Shkvarikov V. *Bor'ba za kachestvo stroitel'stva i zadachi organov. po delam arhitektury* [The fight for the quality of construction and the problem for architecture. Magazine "Architecture and Construction"]. 1948, no. 10, pp. 1-4.
6. *Na sobranii aktiva moskovskih arhitektorov* [At a meeting of the asset of Moscow Architects. Magazine "Architecture and Construction"]. 1948, no. 4, pp.13-16.
7. Kolli N. *Stalinskie idei gradostroitel'stva* [Stalin's idea of urban development. Magazine "Architecture and Construction"]. 1940, no. 1, pp. 8-10.
8. Sokolov V., Shavyrin B. *Brjansk. Istoriko-jekonomicheskij ocherk* [The historical and economic essay]. Brjansk, 1952, P. 87.
9. Konstantinov V. *Pod stil' pamjatnikov stariny* [Under the style of ancient monuments. The newspaper "Pravda"]. 1950, January, 5, P. 3.
10. Kuznecov A. *Tvorcheskie itogi vosstanovlenija gorodov RSFSR* [The creative results of urban regeneration of the RSFSR. Magazine "Architecture of the USSR"]. 1953, no. 6, pp. 1-13.
11. Iofan B. *Povyshat' idejnyj uroven' i masterstvo sovetskih zodchih* [Enhance ideological level and skill of the Soviet architects. The newspaper "Pravda Vostoka"]. 1951, November, 28, P. 2.
12. Georgievskij M. *Stroitel'stvo v Tashkente* [Construction in Tashkent. Magazine "Architecture of the USSR"]. 1954, no. 6, pp. 43-45.
13. Basenov T.K. *Voprosy planirovki i zastrojki centra Alma-Aty* [Questions planning and construction of the center of Almaty. Magazine "Problems of Soviet urban planning"]. Issue 5, 1955, pp. 83-85.
14. *Tvorcheskie voprosy proektirovanija magistralej Moskvy* [Creative design issues highways Moscow. Magazine "Architecture and Construction in Moscow"]. 1954, no. 4, pp. 21-22.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Косенкова Юлия Леонидовна**

Доктор архитектуры, главный научный сотрудник Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Москва, Россия

e-mail: jkosenkova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Kosenkova Yulia**

Doctor of Architecture, Major Researcher of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), Moscow, Russia

e-mail: jkosenkova@yandex.ru